

своих произведениях Бажов, Мамин-Сибиряк для создания реалистических картин труда и быта рабочих, образов, характеристики времени и места действия.

Это далеко не полный анализ лексики устных рассказов данной социально-профессиональной группы, но уже это позволяет сделать следующие выводы: лексика и речевые средства социально-профессиональной группы золотодобытчиков имеют свои специфические особенности, обусловлены идейно-тематическим содержанием этих рассказов, их функциональной направленностью. Лексика выполняет не только номинативную и коммуникативную функции, но и экспрессивно-оценочную, кроме прямой номинации, зачастую содержит оценку обозначаемого денотата, выражая при этом не узко субъективные симпатии и антипатии рассказчика, а той социально-профессиональной общности, к которой он принадлежит.

Эмоционально-оценочная окрашенность лексики порождена объективной реальностью, отраженной в сознании и психике людей, и выявляет этико-эстетические взгляды данной социально-профессиональной среды. Особенностью профессионализмов устной прозы золотодобытчиков является то, что уже в процессе своего зарождения они наделялись другой, не менее важной для их создателей функцией – эмоционально-оценочной. Эта полифункциональность производственной терминологии во многом объясняет и ее этимологию, и ее речевой узус. Особый производственный язык, связывающий людей одной профессии, способствовал созданию отличной от других социально-профессиональной общности, выходящей за этнические и региональные границы.

Данные исследования позволяют раскрыть своеобразие этого фольклорного материала как искусства устного слова, которое имеет особую содержательно-поэтическую организацию.

© Н. А. Подгорбунских
Курган

КУЛЬТ РОДА И ЗЕМЛИ В СЕМЕЙНЫХ ХРОНИКАХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Представления о регионе, крае в народном сознании тесно связаны со всей системой мифологических верований, одно из главных мест в которой занимал культ Рода и земли. Само географическое пространство в мифологической модели мира имеет значение сакральной ценности благодаря тому, что земля, на которой жили предки, становится доказательством духовного и материального существования пращуров как в прошлом, так и в настоящем. С мифологической точки зрения земля предков является вместилищем духовной ипостаси родоначальников, первопоселенцев, так как умерший предок становился духом земли, поэтому обладание родовой землей в славянской культуре

воспринималось как неотъемлемый элемент культа мертвых сородичей и составляло экономическую, материальную основу культа рода. В повседневной жизни знания о своих родовых корнях обычно облакаются в форму воспоминаний, преданий о пращурах, первыми освоивших ранее «ничейную» землю и тем самым положивших начало историческому развитию края.

Вопреки исторической истине некоторые информанты настаивают на том, что их предки начали осваивать земли по Тоболу и его притокам еще при Петре Первом и даже при Иване Грозном. Причиной таких хронологических смещений является влияние общенародной фольклорной традиции, согласно которой ключевые события истории России: войны, расширение государственных границ, экономические преобразования – связываются в народном сознании с именами этих государей¹

Общим для несказочной прозы Урала и Сибири является мотив преданий, в которых родоначальниками называются «ермачки»-потомки участников похода Ермака в Сибирь. Этот мотив встречается в зауральских преданиях XIX века, пересказы которых попали на страницы «Тобольских губернских ведомостей»². В преданиях потомков первопроходцев передавались сведения о приходе русских в Сибирь, о борьбе с аборигенами и о дарах Ермака. Мифологический смысл мотива одаривания заключается в передаче важнейших качеств вождя, его удачи, власти, права распоряжаться землей.

Исторические исследования свидетельствуют, что первые русские поселения на территории Южного Зауралья основали исетские казаки, потомки казачьей дружины Ермака, однако эти крепости были временными укреплениями. В начале XVII века по рекам Исети, Миассу, Тоболу бежали господские и государственные крестьяне, беглые солдаты, люди вне закона, которые именовали себя также «ермаковцами».

Мотив «именование поселения по предку-переселенцу» обычно не составляет в семейных преданиях самостоятельного сюжета и существует в составе комплекса мотивов, ведущим из которых может быть мотив, раскрывающий индивидуальность, неповторимость предка. Имя фольклорного героя всегда этически и эстетически значимо и является в предании средством типизации действительности в том случае, если номинация отражает какое-либо важное историческое событие или существенную черту характера исторического лица. В предании об основателе села подчеркивается первенство предка в освоении земель, при этом его деяния соответствуют роли мифологического первочеловека: «Моя девичья фамилия Первухина. Это фамилия древняя, очень древняя. Наши предки жили исконно на зауральских землях. Они первыми основали деревню Пименовка. Первухины-то – значит первые...». В подобных преданиях утверждается не только древность происхождения фамилии, но и право наследования земельных угодий потомками первопоселенца, кровно связанными с родной землей.

В преданиях, повествующих о предке-переселенце, пришедшем из европейской России, реализуется древнейший мифологический мотив о

деяниях первочеловека, который выполняет в сюжете функцию культурного героя. Предок учит людей пользоваться дарами природы, дает название травам и получает фамилию по своему нововведению: «В нескольких верстах от хутора Белый Яр росло много травы. О названии этой травы жители хутора не знали. Мой прадед скошил эту траву и привез в хутор. А когда хуторяне спросили его, что это за трава, то прадед ответил, что трава называется «лобода». С тех пор прадед и получил фамилию Лобода». Происхождение своей фамилии В.И. Рябина связывает с деятельностью предка, первым в деревне посадившим рябину: «А фамилия моя вот откуда: говорила мамка, будто бы в деревне нашей березы да осины росли, а прадед-то мой рябину привез, да такую, что все любоваться ходили...».

Часто в преданиях этой тематической группы возникают мотивы свободной жизни и изобилия не тронутых человеком природных богатств. В таких рассказах сильны социально-утопические идеи, поэтому некоторые семейные предания с полным правом мы можем отнести к преданиям о «золотом веке». Это предания «более узкие и местные по своему значению и содержанию – о землях, в которых вольность удерживалась какое-то время на сравнительно небольшой территории в виде исключения и в связи с какими-то обстоятельствами». Такими обстоятельствами для Зауралья была необходимость колонизации, освоения новых земель в XVII–XVIII веках и пограничное местоположение русских поселений со Степью.

Идеализация прошлого приобретает в семейных преданиях экономико-бытовой характер. прошлое рисуется временем изобилия, когда природа была щедрее к человеку, поэтому описание природных богатств принимает гиперболическую форму: «Мама говорила: «Когда надо садить бахчи, как посадили, так выросли! Боже мой! Тыквов, арбузов было! Вчетвером одну тыкву тащили. В бричку вдвоем положить не могли!» И как приехали сюда, вожак говорит своим: «Ну, бабы, здесь вам приволье: на реку пойдете, вальков с собой брать не надо, шуку поймайте и колотите ей белье!»»

Благоприятную почву для широкого бытования преданий представляли сохранение патриархальных родовых отношений и факты освоения территорий семейной общиной, мифологические истоки преданий об основании селения переселенцами нужно искать в родоплеменных сказаниях.

Иногда рассказчики, доказывая истинность сообщаемого, указывают на постройки, пашни, деревья, принадлежавшие когда-то их предкам: «Село образовано в 1757 году двумя братьями Гонтовыми. По преданию, его назвали в честь села Сычева Смоленской губернии. Считается, что именно оттуда переселились эти два брата. До сих пор сохранились леса, принадлежавшие роду Гонцовых. В одном из них сохранилась береза, мне ее показывал мой дед. Под этой березой наши предки обедали

во время покоса. Она такая толстая, что обхватить ее можно только вдвоем».

Могучие деревья-долгожители издавна символизировали у славян долголетие, силу рода. Мотив связи предка с березой имеет общие мифологические корни с представлениями древних русичей о березе как тотемном дереве. Само понятие «генеалогическое дерево» восходит к тотемическому культу деревьев. Следы культа деревьев до сих пор сохраняются у русского населения Зауралья. Украшением сел по Ирюму являются рябиновые палисадники и вековые тополя, по традиции культивируемые потомками «рябинников» и «тополяников», которые молились священным деревьям. В центре села Ирюм высится древняя сосна, на ветвях и стволах которой призывники оставляют платочки, символизирующие их личность, чтобы культовое дерево охраняло их жизни во время службы в армии.

В преданиях, повествующих о предке-переселенце, говорится, что он первый поставил дом в деревне или на улице. Сюжетной основой таких преданий является мотив строительства дома, который может простоять века. Это объясняется тем, что в сознании народа с понятием «дом» связан комплекс представлений о родовом гнезде, начале рода, который столетия живет на своей земле. Этический комплекс сознания крестьянина проникнут не только отношением к жилищу как к чему-то создаваемому навечно для потомков, но и глубоким уважением к самому строительному труду, сознанием его значимости, основательности, извечности и даже красоты. «Прадед одним из первых поселился на этой стороне Тобола, когда здесь стоял бор. Зверинка стала строиться у Бакланского озера, и называлась она тогда Бакланга. От этого времени в Зверинке сохранился дом на сосновых пеньках. Сруб из семи бревен, изба высокая. Я сам родился в избе прадеда».

Естественно, переселенец должен был обладать недюжинными отвагой и силой духа. В преданиях такой герой действует как единственный персонаж и совершает титанические деяния, что обуславливает гиперболизацию физической силы предка. Функционально образ первопоселенца тождествен архайческому предшественнику, тотемному первопредку, воплощающему в себе всю силу рода: «Когда он дом рубил, вокруг еще сосны стояли, так он стволы выбирал, что один мужик не мог обхватить; пять рядов – один сруб. Этот дом, считай, двести лет простоял, потом его разобрали и из него избушку собрали».

Предания о предках-переселенцах отражают действительные исторические события из жизни предков, бытовая героика которых является главной темой этих рассказов. Поэтизируя прозу жизни, воспроизводя ее художественно, предания раскрывают сложное переплетение легендарных и реально-исторических представлений народа о прошлом.

Сюжет преданий может включать элементы вымысла, хронологическое смещение событий, наложение различных исторических эпох, эти явления

обусловлены стремлением рассказчиков доказать извечную принадлежность Зауралья России, убедить слушателя в том, что предки информанта были первыми засельщиками этих земель. В образной форме информанты утверждают свою кровную связь с землей, на которой жили и трудились поколения их предков. Чувство сопричастности событиям далекого прошлого, эмоциональное воспроизведение семейной истории находят отражение в использовании образно-выразительных средств, в отборе и воплощении в сюжете семейных преданий и рассказов, тех мотивов местной прозы, которые позволяют создать идеальный образ пращура.

Примечания

1. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. М.-Л.: Наука, 1983. Т. 37. С.54–79.

2. Абрамов Н. Описание Березовского края // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 22

© Е.Г. Позднякова

Курган

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА ЕРМАКА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА

Образ Ермака занимает особое место как в исторических песнях, так и в произведении Н.М. Карамзина. И хотя в исторических песнях главной задачей является изображение отношений казаков с царем, а в «Истории государства Российского» – показ подвигов Ермака и казаков, их мудрости в управлении завоеванными землями, и исторические песни, и Карамзин подчеркивают талантливость, незаурядность и ум Ермака и казаков, этих простых людей, умевших мыслить государственно и разумно. Народный взгляд и взгляд писателя на личность и деятельность Ермака, таким образом, совпадают.

25 мая 1820 г. Н.М. Карамзин приступает к работе над VI главой IX тома «Первое завоевание Сибири». По свидетельствам современников, работа эта продвигалась быстро, но Карамзин жаловался на недостаток материалов, хотя им было получено несколько ящиков архивных материалов: «Повесть о взятии Сибирской земли» (Строгановская Летопись), «История о Сибирской земле и о Царствии», «Сказание о Сибирском царстве», «Новый Летописец» (Степенные рукописные Книги), «Тобольский Летописец», «Есиповская Летопись», «Ремезовский Летописец», «Степенная Книга» и др. Несомненно, что на создание образа казацкого атамана повлиял и сборник Кирши Данилова, положительно оцененный Карамзиным (сохранились воспоминания о том, что сам Карамзин намеревался выпустить сборник лучших русских песен)